

Купанский первопроходец

Жители посёлка Купанское часто видят на улицах и прилегающих дорогах красный «Запорожец». Водит его пожилой, небольшого роста, сухощавый человек в очках. Едет Николай Иванович Башмаков — ветеран войны, мимо растянувшихся вдоль прихотливо вьющейся в низких берегах Вёксы, разноцветных деревянных домов с верандами, мимо больших каменных зданий в центре посёлка. Вспоминается ему лес, который пятьдесят лет назад рос на этом месте. Не было здесь ничего, кроме высоких сосен и берёз, пушистых ёлочек. Были в стороне старинное село Усолье, где он родился, село Купань да тонкая нитка грунтовой дороги, связывавшая их с Переславлем-Залесским.

В топливном балансе страны издавна большую роль играл торф. В пору первой пятилетки начались поиски его новых залежей. В окрестности Усожья и Купани, где находились обширные торфяные болота, с 1928 года зачастили изыскательские партии. Башмаков, окончивший сельскую школу, нанимался в эти партии рабочим. Ему нравилась работа геодезистов, прокладывавших свои ходы через чащи лесов, заросли кустарника на болотах. Всё больше заглядывался на главное орудие геодезистов — углоизмерительный оптический прибор, стараясь постичь суть работы с ним.

Смышлёного паренька заметили и пригласили на работу в Москву в геодезический отдел Всесоюзного института оснований сооружений. После кратковременной учёбы и работы старшим рабочим он стал техником-нивелировщиком и принимал участие в геодезической привязке наземных сооружений московского метро, производственных зданий воронежского сахарного и Вольского цементного заводов. В мае 1933 года вернулся в родное Усолье. Здесь уже готовились осуществить проект Купанского торфопредприятия. Его будущий директор Иезуитов Александр Михайлович предложил Башмакову начать съёмку под проектируемый посёлок.

— Так я стал в этот день первым и единственным рабочим предприятия, — рассказывает Николай Иванович. — Через несколько дней подобрал группу рабочих и организовал съёмку. А 2 января 1934 года, в день официального основания Купанского торфопредприятия, был зачислен на работу в строительный отдел десятником. Группа, которой я руководил, намечала в соответствии с планом места под жилые бараки, клуб, контору, затем принимала участие в их строительстве.

В 1939 году Николая Ивановича приняли кандидатом в члены партии. В начале 1940 года по рекомендации Переславского райкома ВКП(б) он был избран колхозниками председателем колхоза «15 лет РККА» Хмельниковского сельсовета.

Только-только молодой председатель начал налаживать в колхозе работу, как грянула война. 13 июля 1941 года его призвали в армию. Попал Башмаков на Волховский фронт в отдельный инженерный батальон. Быстро освоил специальность минёра.

Из всех сапёрных специальностей это самая топкая и сложная. Известно, что минёр ошибается один раз в жизни. Николаю Ивановичу мало приходилось обезвреживать мины. Больше он их ставил. Такое тогда было время — оборона. Нужно было ночью выползти в ничейную зону и, замирая, когда немецкая ракета заливала местность дрожащим зеленоватым светом, в темноте найти место для мины, уложить её, снарядить взрывателем, замаскировать. Малейшее неосторожное движение, шум, и с немецкой стороны не только одна за другой вспыхивают осветительные ракеты, но и строчат пулемёты и автоматы...

— Тяжело было, — вспоминает Николай Иванович, — лежишь, бывало, пережидая обстрел, рядом с противотанковой или противопехотной миной, попади в неё пуля или осколок — взлетишь вместе с ней на воздух. Не все бойцы возвращались с минирования. Однажды пришлось мне под обстрелом отходить. Добрался до своей траншеи, потерял двух, смотрю — в шинели одна дырка от пули, вторая. Всего их насчитал восемь. А девятая в петлице воротника. Но ранило меня первый раз не на минировании. В декабре 1941 года в боях под станцией Большая Вишера в атаку шли не только пехотинцы, а и сапёры. Вот тогда осколок снаряда попал мне в ногу. Три с половиной месяца отлежал в госпитале и снова на фронт, опять минёром. Снова ранение, на этот раз пулевое, в подбородок. В госпитале познакомился с раненым старшим лейтенантом Алексеевым, командиром топографической батареи. Узнал он, что я в геодезической партии работал, и добился, чтобы меня после выписки направили в его батарею. Там мне вручили теодолит. Стал я заниматься знакомым делом. Старался работать очень точно, так как знал, что от этого зависит успех огня артиллерии.

Николай Иванович в составе батареи принимал участие в прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года, за что получил медаль «За оборону Ленинграда». В феврале 1944 года во время наступления наших войск под Чудовым он недалеко от передовой работал с теодолитом. Не слышал ни свиста снаряда, ни грохота разрыва. Темнота вдруг поглотила его. Очнулся в госпитале. Нога была уже ампутирована.

Пять месяцев пролежал Николай Иванович в госпитале. В середине 1944 года приехал домой. С радостью встретила его жена Ирина Алексеевна — хоть без ноги, но живой вернулся с фронта. Трудно пришлось солдатке. После призыва Николая Ивановича в армию осталась она с шестилетней Ниной и двухмесячным Виктором. Тянула хозяйство, работала, воспитывала детей, ждала. И вот муж дома.

...На торфопредприятии фронтовика ждали. Приняли в транспортный отдел поездным диспетчером. 21 год проработал он в этой должности, пока возраст и болезни не позволили на пенсию. Более семи лет был секретарём цеховой партийной организации транспортного отдела, несколько раз избирался членом местного комитета предприятия.

Мы сидим с Николаем Ивановичем в его садике, перед домом, за круглым столом под раскидистой рябиной. Отсюда видны зеркальная гладь реки и участок железнодорожного пути перед станцией Вёкса. По нему день и ночь громят эшелоны с торфом, днём регулярно ходит пассажирский поезд из трёх вагонов. То и дело слышны гудки тепловозов, то ближние, резкие, требовательные, то дальние, печально-протяжные, словно заблудился кто-то в лесу и просит помощи.

— Не мешает, что так близко от дома железная дорога?

Николай Иванович смеётся:

— За долгие годы привыкли...

Почтальон принесла газеты. Николай Иванович вслух прочитал статью «Погиб в бою солдат». Надолго задумался, потом сказал:

— Никто не забыт, ничто не забыто! Так ли? Забываем, забываем мы имена погибших. Вот видите, 30 вёсковцев не вернулись с фронта. А мы знаем, и то только через газету, одного — Бадаева. А где обелиск? Где памятные доски с фамилиями погибших? Нет таких досок и у нас в Купанском. Есть только скульптура солдата — памятник всем погибшим на войне. А поимённо тех, кто не вернулся с неё, кроме родных мало кто знает. Как-то подсчитал. Только в родном Усолье, которое вошло в состав посёлка, с войны не вернулось около 70 односельчан. Всех их помню. Думаю, что память моя пригодилась бы при составлении списков погибших.

Прав ветеран. Что остаётся в жизни от бойца, принявшего безвременную смерть на фронте? Память, воплощённая в имени. В каждом селе, городе есть люди, помнящие, подобно Николаю Ивановичу Башмакову, своих сверстников, ушедших на фронт и не вернувшихся. И долг их, а также всех нас, и ветеранов, и родившихся в послевоенное время, восстановить имена всех погибших, чтобы, сверкая золотом на мраморе, они своим примером звали потомков на подвиги во имя Родины.